

ЖАН ГРОНДЕН

ПОЗДНЕЕ ОТКРЫТИЕ ШЕЛЛИНГА В ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Характерно, что поздние работы Шеллинга, вышедшие только спустя четверть века после смерти Гегеля, не оказали никакого воздействия. И, разумеется, они также не имели той внутренней силы и строгости проработки, которых в принципе недостает шеллинговским сочинениям, даже если и они, с другой стороны, богаты на неожиданно поразительные прозрения и интуиции.¹

Heidegger M. Der deutsche Idealismus... GA, Bd. 28. S. 33.

Каждый подход к мыслителю определен историей воздействий (*Wirkungsgeschichte*). Мыслитель всегда обращается к современности и говорит исходя из ее предпосылок. И, конечно, подобным образом дело обстоит с Шеллингом. Шеллинг, который говорит с нами, — это Шеллинг, который говорит с *нами*, который *нам* что-то должен сказать. Это отчетливо видно при сопоставлении авторов, интересующих нас на этой конференции: Шеллинг, Кьеркегор и Хайдеггер. Подобное сопоставление могло бы показаться очень неясным и весьма небрежным сваливанием в кучу, но все же оно очень точно, потому что оно подчеркивает, в каком контексте Шеллинг отчасти отвечает нашим ожиданиям. Любое восприятие Шеллинга прошло сегодня через Кьеркегора и Хайдеггера, пусть только и для того, чтобы от них отмежеваться. Поток работ об «ошибках» интерпретации Шеллинга Хайдеггером являет *ex negativo* тот же феномен, который, впрочем, можно констатировать также и в исследованиях Ницше, Канта, Гельдерлина и досократиков. Парировав это *bonmot*, можно только сказать: кто велик в мышлении, велик и в ошибках.²

Так, я хотел бы допустить, что современный для нас сегодняшних Шеллинг, есть герменевтический Шеллинг, т. е. Шеллинг, прочитанный и

¹ *Heidegger M. Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart. Vorlesung vom Sommersemester, 1929. GA, Bd. 28. Frankfurt a. M., 1997. S. 33.*

² Гронден здесь говорит словами Хайдеггера из «Из опыта мышления»: «*Wer groß denkt, muß groß irren*». (*Heidegger M. Aus der Erfahrung des Denkens 1910–1976. GA, Bd. 13. S. 81*) — *Прим. пер.*

воспринятый исходя из герменевтики, даже если в этом не отдается отчета, как это большей частью происходит с работой (*Arbeit*) истории воздействий. Сказанное может показаться банальным и общеизвестным (хотя это, пожалуй, спорно), но в ответ на это я хотел бы уточнить свой тезис о том, что открытие Шеллинга в герменевтике является относительно поздним. Ибо речь пойдет об открытии, толчком к которому, не в последнюю очередь, послужили опубликованные недавно лекции *молодого* Хайдеггера, посвященные герменевтике фактичности. Однако, в действительности Шеллинг в этих лекциях присутствует крайне мало. Хайдеггер несильно осознавал свою тогдашнюю близость с Шеллингом. Это по-своему подтверждается опубликованной несколькими неделями ранее лекцией Хайдеггера о немецком идеализме, прочитанной в летнем семестре 1929.³ Там Шеллинг недвусмысленно затмевается более значимой фигурой Фихте. Меж тем сам Шеллинг там удостоен лишь краткого «промежуточного рассмотрения» в том месте, где Хайдеггер занимается (довольно по-гегелевски) ранним Шеллингом периода натурфилософии, которого он понимает как переходное звено между Фихте и Гегелем. После «Бытия и времени» и его трансцендентального способа рассмотрения, после ряда лекций о Канте и непосредственно после «Канта и проблемы метафизики» неудивительно, что критическое толкование Фихте было для Хайдеггера по-своему необходимым.

Тем не менее, в этот период становится ощутимой некоторая тайная склонность к Шеллингу. А именно, Хайдеггер писал 25 июня 1929 Ясперсу, что он в этом семестре «впервые читает лекции о Фихте, Гегеле и Шеллинге» и что ему при этом «заново открывается мир».⁴ «Заново» является, пожалуй, намеком на любовь к Канту, о которой Хайдеггер сообщал в одном из ранних писем Ясперсу от 10.12.1925. Сильно удивляет, прежде всего, то обстоятельство, что Хайдеггер говорит о последовательности Фихте — Гегель — Шеллинг. Эта последовательность обнаруживается и в анонсе, а также местами и в ходе лекции.⁵ Поскольку она, по-видимому, не соответствует фактическому ходу лекции, она была изменена редактором и исправлена в соответствии с общепринятой традицией: Фихте — Шеллинг — Гегель. Тем не менее, уже к этому времени что-то у Хайдеггера наводит на мысль о завершении или полном преодолении немецкого идеализма у Шеллинга.⁶ Для

3 *Heidegger M. Gesamtausgabe, Band 28: Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart, Frankfurt a. M., 1997.*

4 *Martin Heidegger / Karl Jaspers Briefwechsel 1920–1963 / hrsg. von W. Biemel und H. Saner. Frankfurt a. M., 1990. S. 123 (für die im folgenden erwähnte Kantliebe, vgl. ebd., S. 57). (Перевод мой. — А. В.)*

5 *Vgl. GA 28. S. 9, 51, 330. (Перевод мой. — А. В.)*

6 Молодому Шеллингу мы также припишем при случае то, что он пришел к мысли о первоначальном (*Ursprünglicheres*), но не смог развить её. Сравни напр. GA 28, S. 193 (Перевод

этого, пожалуй, подготовила почву (вероятно, унаследованная от Риккорта) лишенная оснований антипатия к Гегелю.

В этом состоит перспектива, которая проявилась несколько лет спустя, когда поздний Шеллинг был признан тем, кто действительно преодолел идеализм. Хайдеггер, правда, усмотрел бы более радикальную связь (*Konsequenz*) и в поэзии Гельдерлина, но его *философским* спутником в преодолении Гегеля был, прежде всего, Шеллинг. Это впервые становится явным в известной лекции о Шеллинге, прочитанной в летнем семестре 1936-го, но она была опубликована Хайдеггером позднее, в 1971. Быть может, Хайдеггер хотел противодействовать, тем самым, подавляющему присутствию Гегеля в немецкой философии. И он значительно преуспел в этом, существенно способствовав повторному открытию Шеллинга. Многим это могло показаться кощунством, но не стоит отрицать (и закрывать глаза на результат историко-критических изданий), что бóльшая часть возрождения интереса и философского присутствия (*Präsenz*) Шеллинга в настоящем восходит к глубокому воздействию этой самой лекции. Этот успех имел, однако, для Хайдеггера также и побочные последствия. А именно: вскоре после 1971 г. он решил издать все свои лекции в рамках собрания сочинений, и что к этому дала толчок лекция о Шеллинге (а также отклик на нее) — здесь почти нет никаких сомнений.

Насколько простиралось тогдашнее согласие Хайдеггера с Шеллингом, по-видимому, здесь не особенно заметно, но согласие это стало действенно-историческим (*wirkungsgeschichtlich*) неотъемлемым элементом сегодняшнего возрождения интереса к Шеллингу. Согласие это, очевидно, граничит с отказом или, лучше сказать, с постановкой под вопрос трансцендентального, субъективистского и рационального мышления идеализма и метафизики. Развита в «Философских исследованиях о человеческой свободе» концепция бездны в Боге (*Abgrundes in Gott*)⁷ была пущена в ход для того, чтобы совершить соскок прочь с оснований, с положения об обосновании.

Это и было заключено в хайдеггеровскую проникательную формулу «Положение об основании». Он вспоминает о том, что *principium reddendae rationis* — это положение, полагание, которое не может обосновывать себя само, но оно, прежде всего, побуждает мышление осмелиться на скачок, а точнее соскок *прочь* с этого основания. То, что положение об основании

мой. — А. В.]: «Изначальнейшее (*Ursprünglichste*) и сущностное (*Wesentliche*) всегда уже присутствовало в нем, но еще в неявной форме». Хайдеггер также отмечает, что Шеллинг только в «противопоставлении себя гегелевской феноменологии» «обрел себя» (S. 197), но в этой лекции Хайдеггер совсем не уделяет внимания позднему Шеллингу. Тем не менее, эти отсылки свидетельствуют о подспудном родстве, которое могло бы открыто проявиться в 1936 г.

7 См. примечание переводчика № 1. — Прим. пер.

никогда не может достигнуть бытия, того, что есть внешнее (Exteriorität) основания, стало избавляющим опытом, который Хайдеггер, будучи близким по образу мысли Шеллингу, смог у него обнаружить. Так, в 1936 (а также, пожалуй, еще и в 1971) Шеллинг стал одним из тех редких свидетельств мышления бытия (Seinsdenkens), к которому стремился Хайдеггер, критически рассматривая метафизику.

Однако все это в достаточной мере известно. И если говорить о позднем открытии Шеллинга в герменевтике, то здесь в фокус внимания попадает несколько иное. Прежде всего, имеется в виду безмолвное присутствие Шеллинга в *ранних* лекциях Хайдеггера, посвященных герменевтике фактичности, которое, однако, настолько безмолвно, что оно, пожалуй, самым Хайдеггером едва ли было осознано, а для его тогдашних учеников и вовсе было сокрыто. Однако от нынешних читателей, то есть от нас, знакомство с его ранними лекциями требует признать, что ранний герменевтический путь мысли Хайдеггера был дорогой «к» Шеллингу или «с» Шеллингом, что, в свою очередь, становится совершенно очевидно в более поздней герменевтике, в особенности в поздних работах Гадамера.

Гадамер является здесь, конечно же, привилегированным современником. И не только потому, что он присутствовал на этих ранних лекциях, и не только потому, что он сам развивал философскую герменевтику. Гадамер является особенно показательной фигурой, потому что ему самому потребовалось долгое время, чтобы осознать свою близость к Шеллингу. У Гадамера, насколько мне известно, нет отдельной работы о Шеллинге. Он много писал о романтиках, о Шлейермахере, Гердере, Канте, Гете, Гельдерлине, Шлегеле, и, конечно же, о Гегеле, но практически ничего о Шеллинге. В его главной работе «Истина и метод» Шеллинг занимает, по меньшей мере, маргинальное положение. Гегель для Гадамера там намного важнее. Однако должно обратить на себя внимание то, что Гадамер, при всей своей любви к Гегелю, занимает довольно критическую позицию по отношению к нему, когда он ставит под вопрос тотализирующую претензию рефлексивной философии (под которой Гадамер подразумевает Гегеля). Гадамеровская критика рефлексивной философии Гегеля, конечно, является особенно ироничной, так как Гегель сам подверг резкой критике рефлексивную философию своего времени, под которой он понимал философию Канта, Фихте и Якоби. Гегелевский аргумент также известен: рефлексивным философиям не хватает абсолютной действительности (volle Effektivität), т. к. они никогда не превосходят сферу мышления. Гадамер теперь помещает самого Гегеля в сферу рефлексивной философии, когда он упрекает его самого в недостаточной действительности (Effektivität).⁸ В своем стремлении возвысить историч-

⁸ В лекции от 1929 (GA 28, S. 338) Хайдеггер уже упрекал Гегеля, который при всей критике рефлексивной философии сам же и абсолютизирует рефлексию.

ность опыта до полностью самоочевидного философского понятия гегелевская рефлексия упустила бы упрямую непрозрачность (*Opazität*) бытия. Гадамер очень выразительно обрисовывает свою позицию по отношению к Гегелю, когда в своей центральной главе об истории воздействий характеризует, как известно, задачу своей философской герменевтики: «Она должна пройти путь гегелевской феноменологии духа в обратном направлении, поскольку во всякой субъективности должна быть показана определяющая ее субстанциальность».⁹

Ясно, что Гадамеру нетрудно было бы обратиться в этой критике к Шеллингу. Но Гадамер не сделал этого в «Истине и методе». Хотя шеллинговская критика Гегеля была ему очень хорошо известна, его ученик Вальтер Шульц в своей диссертационной работе, посвященной завершению немецкого идеализма в поздней философии Шеллинга и во многом определившей возобновление интереса к Шеллингу, придал актуальность этой критике Гегеля (уже в хайдеггеровском смысле, по сути, в духе герменевтики). Но этого Шеллинга совсем нет в главном труде Гадамера, где фигура Гегеля — при всей критике — остается первостепенной по важности.

Ссылки, делающие акцент на Шеллинга, обнаруживаются в *более поздних* работах Гадамера. Они проясняют, что подразумевается под поздним открытием Шеллинга в герменевтике. Если я не ошибаюсь, эти важные указания на Шеллинга находятся, большей частью, в работах о Хайдеггере, а именно, о *молодом* Хайдеггере. Прошу прощения, если я здесь чересчур педантичен, но я полагаю, что это более осязаемое присутствие Шеллинга в мыслительных ходах позднего Гадамера указывает на большую систематическую связь, а именно, на центральное положение Шеллинга для герменевтики, поскольку Гадамер нередко пытался описать в этих поздних рукописях *раннее* начинание (*frühen Ansatz*) герменевтики фактичности шеллинговским понятием «непредмыслимое»¹⁰ («Unvordenklichen») и именно в нем увидеть философскую радикализацию герменевтической проблемы. Вот что он пишет своей статье «Классическая и философская герменевтика» (1968),

9 *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Gesammelte Werke, Band 1. Tübingen, 1986. S. 307.* (Перевод по: *Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 358*).

Сравни рассуждение об приведенном здесь понятии субстанциальности в 8-ом томе Собрания сочинений (*Ästhetik und Poetik I. Kunst als Aussage. Tübingen, 1993. S. 327*): «Субстанцией здесь называется то несущее, не проявляющее (*nicht Hervorkommende*), не высветленное направленным на себя сознанием (*nicht in die Helle des reflexiven Bewußtseins Gehoben*), никогда невыговаривающее себя полностью (*nie sich voll Aussagende*), но являющееся все же необходимым, чтобы свет (*Helle*), сознание (*Bewußtsein*), высказывание, сообщение, слово, которое схватывает, могли существовать. Субстанция есть “дух, который, пожалуй, нас связывает”. Выражение Рильке, которое я цитирую, дает понять, что дух есть нечто большее, нежели то, что каждый знает порознь и знает о себе». (Перевод мой. — *А. В.*)

10 См. примечание переводчика № 2. — *Прим. пер.*

которая составляет, пожалуй, самое обсуждаемое введение в историю герменевтики: «В то время как идеи Дильтея (и Кьеркегора) [у Хайдеггера] составляли основание экзистенциальной философии, герменевтическая проблема претерпевала свою философскую радикализацию. Хайдеггер образовал тогда понятие герменевтики фактичности и тем самым, в противовес феноменологической онтологии сущности Гуссерля, сформулировал парадоксальную задачу, состоящую в том, чтобы все же истолковать «непредмысленное» (Шеллинг) «экзистенции» и даже саму экзистенцию как «понимание» и «толкование», то есть как самонабрасывание на возможности самого себя».¹¹ Гадамер тем самым впервые связывает начинание герменевтики фактичности с понятием «непредмысленного», что в свое время не сделал молодой Хайдеггер (в данном случае, я бы предпочел ошибиться).

Гадамер сам не сделал этого, когда он в «Истине и методе», а также в лёвенских докладах 1957 года, посвященных проблеме исторического сознания¹², уделил целую главу герменевтике фактичности, как будто ему недоставало в то время такого ключа, как Шеллинг. Стоит взглянуть поближе на эту, в высшей степени, актуальную главу в главном труде Гадамера. Она занимает в ней ключевую позицию и образует мост между резко очерчивающей историей герменевтики от Шлейермахера и Дильтея и систематической герменевтикой истории воздействий, которую Гадамер развернул в связи с главой, посвященной Хайдеггеру, и благодаря ей. Эта глава также довольно провокационна, поскольку Гадамер ссылается в ней на Хайдеггера, который в тот период (50-е годы) еще был под запретом. А именно, он ссылается на молодого Хайдеггера, Хайдеггера до «Бытия и времени». Соответствующая глава в гадамеровских лёвенских докладах, по сути, носит программный заголовок: «Мартин Хайдеггер и значение его “герменевтики фактичности” для наук о духе». Также в «Истине и методе» Гадамер видит в хайдеггеровском «обосновании герменевтики фактичности»¹³ решающий шаг за пределы тематического поля, очерченного понятием сознания и претензией на обоснование в феноменологии Гуссерля. Многие также говорят в пользу того, что Гадамер в «Истине и методе» обратился, скорее, к ранней герменевтике фактичности, чем к трансцендентальному проекту «Бытия и времени». Но Гадамер едва ли мог это сделать в 1959 г., т. к. эта герменевтика фактичности еще не была доступна. И в то время, пожалуй, ничто не предвещало, что

11 *Gadamer H.-G. Gesammelte Werke (GW), Band 2. Tübingen, 1986. S. 103. (Перевод мой. — А. В.)*

12 *Gadamer H.-G. Le problème de la conscience historique, 1957; erstmals 1963 erschienen, Neudruck mit einem Vorwort (zur englischen Übersetzung) von 1975: Paris, 1996. (Перевод мой. — А. В.)*

13 *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. GW, Bd. 1. S. 262. (Перевод мой. — А. В.)*

она когда-нибудь выйдет в свет. Так, в силу обстоятельств, в 1960 Гадамер ссылаясь на «Бытие и время», но он читал его, исходя из герменевтики фактичности и наперекор приданию трансцендентальных черт главному труду. Ключевая мысль герменевтики фактичности заключалась в постановке под вопрос понятия сознания и понятия обоснования в философии Нового времени и в философии Гуссерля. Гадамер всегда был убежден в том, что Хайдеггер немного отступил в своей главной работе от своих герменевтических интуиций тем, что нарочито приспособился к рамкам трансцендентальной феноменологии. На тот момент (1960 г.) то была смелая интерпретация, поскольку она сводилась к тезису, что Хайдеггер как раз не был по-настоящему Хайдеггером в своей главной работе! Но публикация ранних лекций Хайдеггера только подтвердила эту смелую интерпретацию, которая является определяющей также и для большинства реконструкций генезиса «Бытия и времени», например, для реконструкции Теодора Киселя.¹⁴

Гадамеровское рассмотрение «Бытия и времени» было также отчасти рискованным, потому что текстуально ранняя герменевтика не была ему доступна. В своих новых работах о Хайдеггере, отчасти в своей книге 1983 о «Пути Хайдеггера», а также во многих более поздних статьях о Хайдеггере, опубликованных в собрании сочинений (прежде всего, в 3-м и 10-х томах), Гадамер относился к этой ранней герменевтике с нескрываемым азартом и энтузиазмом, стремясь подчеркнуть единство пути хайдеггеровской мысли, и чтобы можно было показать «Бытие и время» в качестве своего рода случайного инцидента или временного перерыва. В раскрытии онтологических предпосылок понятия сознания, а также понятия обоснования в ранних лекциях, посвященных необходимой¹⁵ (*unhintergehbaren*) фактичности брошенного в «Da» *Dasein*, Гадамер видит уже «поворот прежде поворота».¹⁶

То, что Шеллинг играл существенную роль в формировании «официального» поворота в 30-е годы, несложно, как известно, подтвердить лекцией о Шеллинге 1936 г. Проблематично показать как раз присутствие Шеллинга в ранней герменевтике. По-видимому, этого не произойдет, пока не появится больше исследований [на эту тему]. Только в более поздних работах Гадамера можно найти, как я считаю, признание того, что мышление фактичности было (вслед за Шеллингом) мышлением непредмыслимого.¹⁷

¹⁴ Vgl. *Kiesel T.* The Genesis of Heidegger's «Being and Time». Berkeley University Press, 1993.

¹⁵ См. примечание переводчика № 3. — *Прим. пер.*

¹⁶ Vgl. etwa *Der eine Weg Martin Heideggers*. Gesammelte Werke, Band 3. S. 423, u. ö.

¹⁷ Ссылки Гадамера на размышления Шеллинга о «непредмыслимом» см.: *GW*, Bd. 2, S. 103, 334; Bd. 3, S. 236; Bd. 8, S. 366; Bd. 10, S. 64.

В более поздних работах непредмыслимое преподносится, в первую очередь, в качестве характеристики нашей устроенности (*Heimischsein*) в языке, как, например, в статье

Здесь не идет речь только об исторических направлениях и указании на источники влияния, которое, конечно, является бесконечным и зачастую бесплодным занятием. Напротив, с систематической точки зрения речь идет о том, чтобы саму герменевтику опознать как мышление непредмыслимого. Таким образом, герменевтика оказалась бы наиболее последовательной формой шеллинговского наследия. Непредмыслимое является не только началом фактичности, которое осуществил ранний Хайдеггер, но и, более того, мышлением истории бытия, которое Гадамер развил далее в своих ключевых понятиях истории воздействий и языкового характера (*Sprachlichkeit*) нашего опыта мира. О чем напоминает история воздействий, как не о непредмысленной работе истории над сознанием находящихся в ней индивидуумов? История (*Historie*) определенно передает нам отражающее и объективное знание о нашей истории (*Geschichte*), но это знание само находится в неочевидной (*undurchsichtigen*) самой себе истории (*Geschichte*). Поэтому действенно-историческое сознание является больше бытием (*Sein*), чем сознанием (*Bewußtsein*), больше непрозрачностью или субстанциальностью, нежели самоочевидностью. Но это постижение (*Einsicht*) в непредмысленном характере истории воздействий не должен сковывать рефлексию. Оно, наоборот, стремится обострить ее и призвать к предельной бдительности, одновременно с этим оно напоминает о том, что очевидность и надежность нашего знания остаются фундированными не до конца очевидной историей, и, таким образом, о том, что навязчивые очевидности могут оформиться (*profilieren*), всегда только основываясь на других, неявных. Действенно-историческая бдительность фокусирует, тем самым, сознание на том, что при всей надежности нашего знания остается забытым и оставленным на заднем плане, а именно на конечности наших набросков понимания (*Verstehensentwürfe*) перед лицом просвечивающей фактичности бытия и нашего собственного существования, которое не может быть полностью просвечено светом сознания. История воздействий оказывается поэтому воспоминанием о непредмыслимости (*Unvordenklichkeit*) нашей конечности.

Гадамер нашел, как известно, последнее основание (или бездну, говоря словами Шеллинга) для этой действенно-исторической непредмыслимости в языке (*Sprachlichkeit*), посредством которого он придал герменевтике онтологическое измерение. Но о чем свидетельствует этот подчеркнуто «онто-

1992-го «Родина и язык» (GW, Bd. 8, S. 366). В этом контексте Гадамер также подчеркивает «сокрытость языка» (таков подзаголовок его позднего трактата «К феноменологии ритуала и языка» (GW, Bd. 8, S. 400). Фиксация «сокрытости» нашего очевиднейшего опыта мира создает важный мотив позднего Гадамера. Напомним здесь название его книги «О сокрытости здоровья» (Frankfurt a. M. 1993). На этом обращении к ритуальному характеру я подробно останавливаюсь в своем докладе «Spiel — Fest — Ritual», in *Homo Ludens — der spielende Mensch*, (Bd. 8, hrsg. von G. Bauer, Salzburg 1998).

логический» характер нашего языка (Sprachlichkeit)? Бытие есть именно то, что целиком никогда не может быть схвачено мышлением. Также обстоит дело и с языком (Sprachlichkeit) в герменевтике. Он — горизонт, в котором осуществляется всякое понимание, но не существует горизонта, чтобы ухватить сам этот языковой горизонт. Поэтому язык (Sprachlichkeit) универсален, необходим (unhintergebar), непредмыслим. Гадамер в поздних работах делал акцент на этом непредмысленном характере языка (Sprache).¹⁸

Здесь имеется в виду не случайное указание в духе истории идей, а тесное родство и связность мышления. Ибо удивительно именно то, что «Истина и метод» обходится еще без помощи Шеллинга. Ни Шеллинг, ни непредмыслимое не упоминаются, когда Гадамер ведет речь об истории воздействий или о языке (Sprachlichkeit). Гегель и его спекулятивное мышление присутствует у него в гораздо большей степени, пусть и в особо подчеркнутом критическом отношении. Но зато герменевтика и Шеллинг в системном отношении более соответствуют друг другу. Так как то, что герменевтика (в лице Хайдеггера или Гадамера) не отдавала себе отчет в этой близости с Шеллингом, отчасти имеет отношение и к истории воздействий, и к герменевтике, и к непредмыслимому. Ибо это подтверждает ключевую мысль о непредмыслимой истории воздействий, а именно, что не всегда отдают себе отчет в том, в какой традиции находятся, когда мыслят. И в этом же забвении на деле удостоверяет себя философская близость герменевтики к наследию Шеллинга.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Жан Гронден — профессор университета Монреаля, автор 18 переводов и более 12 работ (в том числе: «Kant et le problème de la philosophie: l'a priori», «Le tournant dans la pensée de Martin Heidegger» («Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера». М., 2011) и многих других).

Член Канадского Королевского Общества (1998), Член научного совета журналов: Graduate Faculty Philosophy Journal, Archives de philosophie, Études philosophiques, Horizon. Феноменологические исследования. Обладатель «Премии Конрада Аденауэра» Института Гумбольдта (2010).

Сфера интересов: история метафизики, немецкая философия, феноменология, герменевтика.

¹⁸ Ср. в особенности «Die Sprache der Metaphysik» (1968), GW, S. 236: «Но как мышление непредмысленного охраняет свое, скажем, свою родину, также непредмысленное нашей конечности соединяется с самим собой в постоянном языковом становлении нашего бытия-вот и при-сутствует во всяком “вперед” и “назад”, в становлении и ничтожении». (Перевод мой. — А. В.)

Представленный перевод статьи¹⁹ канадского философа будет интересен читателю, непосредственно интересующемуся герменевтической проблематикой и становлением герменевтики как философской «дисциплины». Переводчик не рискнет адресовать этот перевод широкому кругу читателей, поскольку статья, представляя собой текст выступления Грондена, не претендует на полное раскрытие заявленной темы, а, скорее, указывает на ряд фактов, свидетельствующих о влиянии философии Шеллинга (периода «позитивной философии и философии откровения») на становление герменевтики в лице Хайдеггера и Гадамера. В нынешней комментаторской литературе с некоторыми оговорками можно обнаружить две позиции, которые занимают авторы по отношению к Шеллингу и его роли в истории философии. Первые традиционно приписывают Шеллингу роль «переходного звена» от Фихте к Гегелю, который является завершением и поэтому как бы вершиной всей немецкой классической философии. Другая же часть исследователей, пересмотрев устоявшиеся представления о Шеллинге, говорит уже о прогрессивном характере его способа мышления. Вот, например, что пишет Ю. В. Перов в своих «Лекциях по истории немецкой классической философии»: «...ни по проблематике, не по методологии позитивная философия явно не является новоевропейской классической философией. Напротив, она отказывается от ее исходных положений, например, от “субъективного принципа” и базовых понятий, таких как “субъект-объект” и их отношение. Это не “философия сознания” (тем более, самосознания), не традиционная “метафизика”, понятая как философия понятий, “абстрактных сущностей”. Она близка иной эпохе философствования, в рамках которой, собственно, и должна рассматриваться».²⁰ По мнению же Хайдеггера, философия Шеллинга, несмотря на присущее всему немецкому классическому идеализму стремление к системности, не вырождается «в пустой формализм искусственно сколоченной лоскутной системности. К ней скатываются, когда иссякает исходная энергия проекта».²¹ И именно этим «недостатком» классического рационализма Шеллинг примечателен в контексте идей XX века.

Гронден, безусловно, не мог обойтись без указаний на чисто фактические свидетельства влияния Шеллинга на Хайдеггера, как то: свидетельства в переписке, лекциях и пр., однако переводчика заинтересовала часть, нося-

19 Fehér I. M., Jacobs W. G. (Dir). Zeit und Freiheit: Schelling — Schopenhauer — Kierkegaard — Heidegger. Akten der Fachtagung der Internationalen Schellinggesellschaft Budapest, 24. bis 27. April 1997. Budapest, Ketef Bt., 1999. S. 65–72.

20 Перов Ю. В. Лекции по истории классической немецкой философии. СПб.: Наука, 2010. С. 436.

21 Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. СПб.: Наука, 2007. С. 77.

щая более историко-философский, нежели чисто исторический (или даже биографический), характер, несмотря на то, что она лишь наброском изложена в данном тексте. Мы говорим здесь об указании Грондена на отношение между понятием «непредмыслимое» (Unvordenklich) Шеллинга и понятием «самонабрасывание» Хайдеггера; при помощи этого отношения Гадамер, как отмечает Гронден, связывает герменевтику фактичности Хайдеггера и «философию откровения» Шеллинга, что позволило ему, в том числе, придать онтологический характер понятию языка (Sprachlichkeit).

Влияние Шеллинга наиболее отчетливо прослеживается у Хайдеггера после так называемого «поворота», тогда как «безмолвное присутствие» Шеллинга в ранних его лекциях еще требует своего более ясного обнаружения. И Гронден, по нашему мнению, проделал в данной статье ощутимые шаги в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

В процессе работы над переводом переводчик столкнулся с рядом проблем, на которые необходимо указать читателю, дабы, во-первых, избежать ложного понимания, связанного с возможными коннотациями некоторых терминов в русском языке, и, во-вторых, не искажая исходный текст статьи, передать здесь те смыслы понятий, употребляемых автором, которые не имеют адекватного соответствия в русском языке.

1. «Бездна в Боге» (ориг. Abgrund in Gott). Вместо более известного в отечественной литературе «безосновного» (ориг. «Ungrund») автор использовал в данной статье (редко, но, тем не менее) встречающееся у Шеллинга «Abgrund». Как прокомментировал сам автор вопрос переводчика, в данном случае подразумевается не просто «отсутствие основания», но то, что в Боге и тем самым в действительности есть нечто «бездонное», неизмеримое, «темное», что есть внешнее (Exteriorität) всякого основания.

2. «Непредмыслимое» (ориг. Unvordenklichen). Среди нескольких вариантов перевода этого шеллинговского термина (среди которых есть и словарное «незапамятное», «предмыслимое», а шеллинговские коннотации позволяют передать его и как «неизмыслимое», «неизмышляемое») переводчик выбрал «калькированный вариант», поскольку в данном случае калька позволяет передать характер этого термина, который в контексте герменевтики фактичности обозначает не простое пред-стояние во времени некоторого самонабрасывающего акта предпонимания, но именно его первопорядковый характер для всякого акта понимания.

3. «Необходимое» (ориг. unhintergehbär). Для этого хайдеггеровского понятия крайне сложно подобрать соответствующее понятие в русском языке. И «необходимое», в данном случае, является попыткой передать смысл,

заклученный в оригинальном понятии, требующем следующего пояснения. Глагол «hintergehen», от которого Хайдеггер образует свое понятие, буквально означает «обмануть, воспользовавшись чьим-либо доверием»; «зайти, что называется, сзади». Das Unhintergehbare — то, за что уже нельзя пойти дальше, за что нельзя зайти и посмотреть на порядок его обоснования. Фактичность же такова, что для нее нельзя найти оснований, и в этом смысле она буквально «не-об-ходима», она не может обманывать, поскольку за ней уже ничего не стоит.

В заключение переводчик бы хотел поблагодарить А. Б. Паткуля и Н. А. Артеменко за сверку перевода с немецким оригиналом и редакторскую работу, А. М. Павлову за стилистическую правку и за ряд конструктивных замечаний к тексту перевода.

ГЛОССАРИЙ

Wirkungsgeschichte — история воздействий

Ursprünglicheres — первоначальное

Ursprünglichste — изначальнейшее

Wesentliche — сущностное

Abgrund in Gott — бездна в Боге

Seinsdenkens — мышление бытия

Effektivität — действительность

Opazität — непрозрачность

unvordenklich — непредмыслимое

nicht Hervorkommende — непроявляющее

Heimischsein — устроенность

Verstehensentwürfe — наброски понимания

undurchsichtig — неочевидное

unhintergehbär — необходимое

Exteriorität — внешнее

Präsenz — присутствие

Effektivität — действительность